

Тот же Н. Богословский

СЕГОДНЯ – 9 ДНЕЙ СО ДНЯ СМЕРТИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО КОМПОЗИТОРА

Никита Богословский «Смутная надежда»

*В разгаре Двадцать Первый век,
И на исходе дня
Умрет последний человек,
Который знал меня.*

*Он с дряхлым, лысым стариком,
Когда был глуп и мал,
Не то чтоб близко был знаком –
Его немного знал.*

*Среди видений и теней,
В предсмертной тишине,
Он в черед людей и дней
Не вспомнит обо мне.*

*Кто был он мне? Кто я ему?
И в свой предсмертный миг
Он не расскажет никому,
Что жил такой старик.*

*Который песни сочинял,
Смеялся и шутил,
Который людям отдавал
Весь свой сердечный пыл.*

*А люди плакали подчас
От песен старика.
И это все уйдет от вас
На долгие века.*

*Но, может, тих и одинок,
Через лавину лет
Пробьется тонкий ручеек –
Его последний след.*

*И, может, снова прозвучит,
Сердцами отражен,
Забывтый, но живой мотив,
Его сердечный стон.*

*Польется песня не спеша,
Отправится в полет...
Его ж бессмертная душа
Неслышно подпоет.*

Богословский остался Богословским. И эти стихи, написанные им самим же, прозвучали в его же исполнении в магнитофонной записи на его же панихиде.

шел домой, зная, что мне предстоит телефонное объяснение с Богословским. Однако, надо отдать ему должное, замечал он не только «проколы» и недостатки, но и на похвалу не скупился. А это бывает гораздо реже.

Мы познакомились в начале 90-х, когда я редактировал «Вечерний клуб». У истоков новой тогда газеты стояли просто замечательные люди – Юрий Нагибин, Булат Окуджава, Юрий Никулин, Борис Брунов. И Никита Богословский. Я называю сейчас только тех, кого уже нет с нами. Все они были членами Редакционного совета и очень много сделали для становления газеты и, как сейчас говорят, для ее «промоушн». И никто из них никогда не отказывался принять участие в любых редакционных мероприятиях. А было их у «Клуба» много, и были они разные.

Как-то вместе с дирекцией Люблинского рынка решили мы открыть при этом рынке трактир имени нашей газеты. Как тогда было принято, назначили презентацию. Из «великих мира сего» пригласили Ирину Мирошниченко и Богословского. Накануне я звоню директору рынка, интересуюсь, есть ли у них фортепьяно, чтобы маэстро сыграть смог. Фортепьяно на рынке не оказалось, но директор обещал достать аккордеон. Собрались, торжественно открыли трактир, и тут возникла мысль сфотографироваться у входа под вывеской. Мирошниченко и Богословского, естественно, на первый план. Директор рынка говорит: «Никита Владимирович, возьмите аккордеон». – «Да вы что, я и в руках его никогда не держал». Но как-то уговорили. Снимок этот тогда был напечатан и в «Клубе», и в «Вечерке» (сегодня мы не публикуем его только потому, что оригинал затерялся в архивах, но другой кадр с того же события вы можете увидеть).

Но на этом дело не кончилось. Когда все вернулись в трактир и расселись за столом, с кухни подтянулся обслуживающий персонал подивиться на знаменитостей. Впрочем, как выяснилось, за знаменитость они держали только Ирину Мирошниченко, а Богословского в лицо не знали и приняли за гармониста. И кто-то даже осуждающе заметил: «А почему это лысый на гармошке не играет?» Только мы хотели

объяснить, что это композитор, автор известных всем песен, но Богословский перехватил инициативу: «После первого стакана кто же играет!» (а тара была именно такая – извините, трактир) – «Так в чем же дело?» – «Вот генерал не пьет (Никита Владимирович кивнул на сидящего напротив коммерческого директора газеты Александра Андриянова, который действительно не пил, поскольку был за рулем), и я не могу» – «А он почему не пьет?» – «Жена его (тут Богословский показал глазами на сидящую слева от него и ничего не подозревавшую Мирошниченко) ему не позволяет». И весь обслуживающий персонал стал молчаливо осуждать очаровательную Ирину Петровну.

Подобных хохм и шуток в жизни Богословского было великое множество. Разыгрывал он и нас, журналистов.

...Приходит в редакцию письмо. В иностранном конверте, с парижскими штемпелями. И некто Атикин, потомок русских эмигрантов, недавно побывавший в Москве, восторженно рассказывает, какое великолепное впечатление произвела на него газета «Вечерний клуб», как помогла она ему глубже понять нашу страну, нашу культуру и т.д. и т.п. Какой редактор устоит перед таким признанием в любви! Короче, напечатали мы это письмо. А потом получили еще одно, уже от Богословского, в котором он напомнил мне, как однажды я повел его на, скажем так, мероприятие, которое показалось ему очень скучным, и как тогда он пообещал «отомстить» мне за это. И вот «отомстил»: ведь фамилию Атикин надо было читать наоборот. Потом Никита Владимирович вставил эту историю в свою книгу, правда, перед тем спросив, может ли указать мое подлинное имя, не обижусь ли я.

...Шесть лет назад, перед 85-летием Богословского, мы с Николаем Михайловым (и в «Клубе», и в «Вечерке» – первый зам. главного редактора) решили сделать большую с ним беседу. Проговорили несколько часов, а потом, как водится в семье Богословских, все закончилось застольем. «Сегодня мы откроем бутылку, которую мне двадцать лет назад подарил Жан Марс. Это удивительный напиток, который он готовил сам и только для

лучших друзей», – с изрядной долей пафоса произнес Никита Владимирович и извлек покрытую пылью изрядного объема бутылку. Содержимое оказалось на самом деле удивительным. Но теперь уже никто не прояснит нам, то ли мы ничего не понимаем во французских напитках, то ли великий актер баловался самогоноварением.

Отдельная страница наших отношений – выезды на природу. Богословский с младых ногтей был убежденным урбанистом. Прелестям загородных пейзажей и соловьиным трелям маэстро предпочитал каменные джунгли мегаполисов и трамвайные перепоны. Даже дачи у него никогда не было. Потому, когда возникла мысль вытащить его за город на шашлыки, жена Алла сказала: «Ребята, это бесполезно», – но все же взялась нам содействовать в воплощении этой безумной идеи. И Карфаген был разрушен! Первый раз мы вывезли Никиту Владимировича на дачу, которую я снимал в Серебряном Бору. Дача – это только звучит гордо. На самом деле это был покосившийся двухэтажный домик на пять семей, с туалетом в углу участка. Но, как ни странно, Богословскому понравилось. Иначе бы не приезжал он пять лет подряд на шашлыки, которые с его легкой руки стали называться евсеевскими.

Он никогда не любил делать того, что не любил. И никогда не делал этого. Поэтому так светла его музыка, так чисты его песни, так искренни его книги.

Его называли баловнем судьбы. И он сам не был против этого определения. Действительно, занимался тем, чем хотел. Никогда

ничего не делал на заказ. Прижизненная народная слава.

Но ни одной государственной премии. И вот такие газетные строки: «Многие помнят, вероятно, фильмы, музыкальное сопровождение к которым написал тот же Н. Богословский. Сохранилось впечатление легковесных, банальных мелодий, рассчитанных на весьма невзыскательный музыкальный вкус». Это цитата из «Вечерней Москвы» почти шестидесятилетней давности.

Сегодня девять дней, как нет его с нами. Друзья соберутся на могиле, принесут цветы, пасхальные яйца, помянут, начнут вспоминать разные истории. Он был жизнерадостным и веселым человеком, и истории будут в основном веселые, как и у меня в этих обрывочных воспоминаниях. А на душе все равно тяжело. Не будет уже в нашей жизни такого удивительного, ни на кого не похожего, ни под кого и ни подо что не подстраивающегося, талантливого во всем человека по имени Никита.

Тот самый брудершафт

Даже в трактире, даже со стаканом в руке он всегда оставался элегантным и остроумным

Валерий ЕВСЕЕВ

Когда хоронили Богословского, светило редкое в начале этого апреля солнце, и, стоя у гроба своего лучшего друга, композитор Оскар Борисович Фельцман сказал об этом. А мне вдруг показалось, что вот сейчас рядом с ним окажется сам Никита Владимирович и со своей неизменной улыбкой прокомментирует как-нибудь так: «А знаешь, Оскар, если бы шел дождь, то можно было бы отметить, что природа оплакивает усопшего».

Он был ироничен во всем и ко всему. В том числе и к себе. Впрочем, он сам как-то написал, что именно ирония и жизнерадостность помогли ему прожить столь долгие годы. Не мое дело править классика, но я бы добавил: еще и трудоспособность. Кажется, он работал всегда и везде. Сидя в машине, за дружеским столом, на торжественном заседании... Поскольку его рабочим местом был он сам, ему для этого не требовалось ни компьютера, ни карандаша, ни бумаги. В самый неожиданный момент он мог вдруг сказать: «Послушай, какая фраза мне сейчас пришла

в голову...» Его жена (у меня рука не поднимается написать – вдова) Алла рассказала, что перед смертью, в больнице, когда он бредил, он бредил стихами...

Уже тысячу раз написано, что Богословский был не только великий композитор и музыкант, автор любимейших песен, но и талантливый литератор, остроумец и король розыгрышей. А еще он был удивительный человек.

Журналистская судьба подарила мне счастье знать Никиту Владимировича Богословского в жизни. Последние десять с лишним лет мы дружили семьями,

бывали друг у друга в гостях, вместе путешествовали... Три года назад на своем дне рождения он торжественно предложил мне выпить с ним на брудершафт. Выпить-то я выпил, но вот перейти барьер от «вы» к «ты» было не так легко. Но он очень внимательно следил за этим, отвергая все мои компромиссные уловки и требуя только «Никита» и только «ты». Меня он, разумеется, называл по имени, но когда был чем-то недоволен, обращался так: «Мастер, что-то в вашем сегодняшнем номере и почитать нечего». Всегда, когда в газете проходила какая-то ошибка, я

Его последний выезд на шашлыки